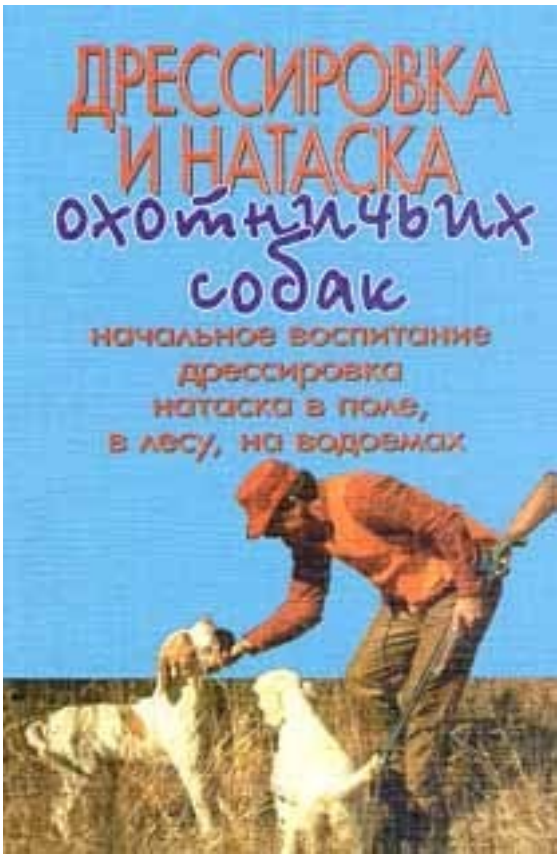

ДРЕССИРОВКА
И НАТАСКА
охотничьих
собак
начальное воспитание
дрессировка
натаска в поле,
в лесу, на водоемах

Г. Оберлендер

Дрессировка и натаска охотничьих собак

Оберлендер Г.

Дрессировка и натаска охотничьих собак / Г. Оберлендер —

Подготовка охотничьей собаки к действиям в поле, в лесу, на открытых и закрытых водоемах – большое и тонкое искусство. Этому искусству и посвящена книга выдающегося практика ружейной охоты. Приемы, способы, системы воспитания собаки, рекомендуемые им, есть результат более чем тридцатилетнего опыта известного дрессировщика, принципы которого вошли в уставы многих охотничьих обществ и клубов.Применяя советы Г. Оберлендера с учетом характера и нрава вашей собаки, вы быстро и квалифицированно подготовите ее к активной работе под ружьем в различных природных и климатических условиях.

© Оберлендер Г.

Содержание

Начальное воспитание собаки 5
Испытание и развитие охотничьих задатков 10
Испытание к призыву на мертвую дичь 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Г. Оберлендер
Дрессировка и натаска охотничьих собак (поле, лес, водоем)

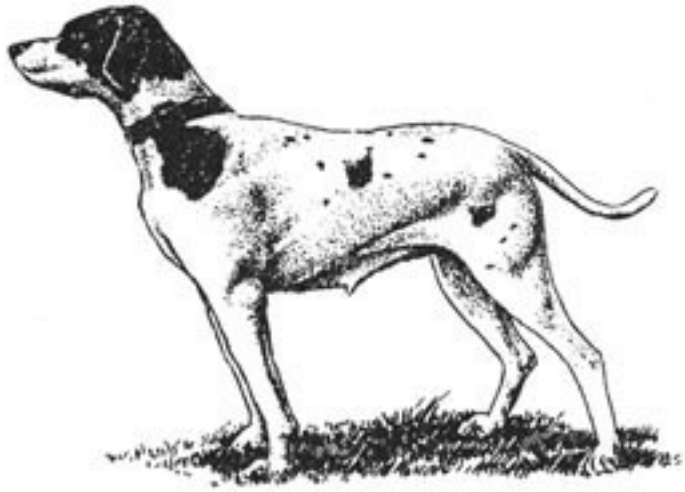
Начальное воспитание собаки

Все спортивные писатели, составлявшие руководство к дрессировке, сходятся в положении, что молодая собака должна быть телесно и духовно развита, прежде чем ее подвергнут дрессировке. Если это положение правильно по отношению к односторонней собаке, то тем более наличность этих качеств необходима в отношении разнообразной подружейной собаки, дрессировка которой ставит учителю из ряда вон выходящие задачи. Поэтому большинство авторов придерживаются совершенно правильного мнения, что собака достигает зрелости – возраста, пригодного для дрессировки – средним числом по достижении 12 месяцев от роду.

При наличии этого правильного взгляда в высшей степени странным является то обстоятельство, что большинство сочинений по дрессировке и натаске трактует, тот период жизни молодой собаки, который предшествует вступлению ее в пору зрелости, пригодной для дрессировки, с краткостью, достойной маловажности или незначительности данного периода.

В противоположность своим предшественникам, я полон убеждения, что первый год жизни собаки и обстоятельства, в которых он протекает, имеют не только «большое значение, но даже значительно важнее для формирования положительных качеств животного, чем все остальные периоды. Достаточно припомнить для выяснения этого вопроса, что в первый год жизни заканчивается развитие костного скелета, и собака достигает своего полного роста. Стало быть, важнейшая доля телесного развития принадлежит первому году жизни.

Одним из элементарных требований для естественного здорового развития молодого тела животного является достаточное движение на воле. Природа никогда не знает покоя, даже внутри живого организма никогда не бывает застоя; нет, там постоянно царит живое движение, форменная эволюция, пожалуй, все там движется, шумит и пульсирует. И сильнее всего двигается и пульсирует организм животного в период подрастания; его сердце производит сокращений на одну треть больше, чем сердце зрелого животного; его легкие в равной мере развивают большую деятельность.



Этих поверхностных наблюдений достаточно, чтобы прийти к убеждению, что, если недостаток движения сам по себе уже является грехом по отношению к деятельности, происходящей внутри организма, то грех является вопиющим и еще более опасным по своим послед-

ствиям, когда дело идет о молодом организме в период его роста… Тело молодой собаки, прирожденной впоследствии выказывать быстроту и выдержку в беге, нуждается в совершенно особенной заботе о доставлении ей достаточного, сильного и правильного движения. Всякий час, когда собаке дана возможность свободно, как птице небесной, бегать по полю, есть уже выигрыш, плюс в ее будущей работоспособности.

Не одна забота о телесном развитии рекомендует брать подрастающую собаку в поле. Одинаковой важности заслуживает вопрос: одарена ли собака также задатками, которые необходимы для собаки, подготовляемой к разносторонней работе. Разносторонняя подружейная собака должна обладать понятливостью, страстью, выдержкой, быстротой, равно как и задатками к поиску по следу; прежде всего собака должна быть одарена хорошим чутьем, с помощью которого должна воспринимать не только запах дичи на возможно далеком расстоянии, но и быть в состоянии преследовать с уверенностью по холодным следам, будь они сделаны даже несколько часов тому назад.

Если чутье можно испытывать лишь в поле, т. е. над дичью, то еще более необходимо это для испытания страсти, выдержки и быстроты. Правильное безукоризненное строение может доставлять известную уверенность при суждении о телесной работоспособности, но суждение это будет не безусловным. Уверенность в работоспособности возможна только в том случае, если собаку наблюдали в течение продолжительного быстрого бега в поле и видели при этом, как функционируют вместе конечности, плечо, спина и зад. Тот, кто думает, что может судить о работоспособности стоящей или идущей на привязи собаки, рискует ошибиться, так как целый ряд пороков совершенно так же, как у лошадей, у собаки заметен лишь во время работы.

Относительно того, как практику-охотнику вернее всего определить, обладает ли его молодая собака чутьем, понятливостью, страстью, выдержкой и быстротой, а также задатками к поиску по следу, словом, обладает ли она задатками разносторонней подружейной собаки, я попытаюсь дать правила в следующих главах, которые представят не только руководство к испытанию, но главным образом, к систематическому развитию и поднятию этих элементарных свойств.

Обращение с молодой собакой и руководство ею перед дрессировкой имеет значение также и с другой точки зрения. Именно: вследствие многочисленных наблюдений я пришел к убеждению, что большинство собак портится не неправильной дрессировкой и натаской на охоте, а еще до дрессировки и как раз наиболее неисправимыми, важными пороками, – такие собаки обязаны неправильному обращению человека с недрессированной собакой.

Одним из наиважнейших и обыкновеннейших пороков является боязнь побоев, которая может выродиться в настоящее удирание домой, непослушание зову, лишь бы только избежать ожидаемого наказания. Порок этот в большинстве случаев развивается из того, что молодая, недрессированная собака, которая не признает авторитета хозяина и не имеет никакого представления о послушании и вообще об обязанностях, наказывается за совершенный проступок. Собака преследует кур, уток и т. д., при случае одну из них придушила; она рвет ковры, сапоги; она гадит в комнатах, как это бывает со всеми молодыми собаками.

Теперь достаточно неудачной попытки поймать собаку и порочная собака налицо! Собака узнала, что ей нечего быть такой глупой – подставлять свою спину под удары хозяина. Впоследствии это стратегическое положение она будет вечно применять и, таким образом, попадет в класс неисправимых, прежде чем достигнет возраста, пригодного для дрессировки.

А как много собак окончательно портится одним этим преследованием нечистоты в комнатах! Один великий кинолог однажды рассказывал мне, каким безошибочным методом добивается он от своих молодых собак уважения к чистоте комнат: преступника хватают за ошейник, влекут его к следам преступления и здесь буквально тыкают носом в эти иногда довольно значительные следы; затем при постоянных ударах арапником преступника выгоняют за дверь.

Много собак портится также благодаря попытке приготовить их в незрелом возрасте к столь модному теперь «дерби» и показывать их в возможно более выгодном свете полной полевой дрессировки. Дрессировщик естественно стремится в первую голову подавить страсть собаки к зайцу силой, так как она мешает в этого рода охоте; обыкновенно возбужденный, в нервном настроении, в виду все ближе подходящего испытания, он налагает на собаку, которую подчинил себе, да и не может подчинить за отсутствием должной дрессировки, наказание за наказанием. Следствием этого бывает, что большинство собак, подвергнутые этой дрессировке, или боятся побоев или совсем забиты.

Дрессировщик, который не хочет сделать невозможным разрешение своей и без того тяжелой задачи, должен исходить из положения, что его власть над сырой собакой не имеет ничего общего с теми обстоятельствами, при которых он будет впоследствии распоряжаться и управлять по своему желанию дрессированной собакой. Ведь парфорсная дрессировка именно и направлена к тому, чтобы воспитать собаку в убеждении, что у ее господина имеется в распоряжении целый ряд средств принудить ее к абсолютному повиновению. Но прежде чем созреет это сознание, нужно не только, чтобы воспитанник научился знать и бояться этих средств путем опыта, но также, чтобы в нем окрепло убеждение, как бесполезна всякая попытка уклониться от исполнения воли своего хозяина. В течение комнатной дрессировки, которая, как кажется, предъявляет требования только к физическим способностям, собака в действительности переживает целый мыслительный процесс, – процесс, результатом которого должно быть безусловное признание авторитета дрессировщика. Обо всем этом неопытной собаке ничего неизвестно; она не умеет оценить ни значения, ни правильности всякого наказания. Потому для этого необходима целая система комнатной дрессировки, нужны месяцы ежедневного воздействия. Сырую собаку привязывает к ее господину не что иное как связь склонности, дружбы, как это обыкновенно и бывает между всякой систематически недрессированной собакой и ее хозяином.

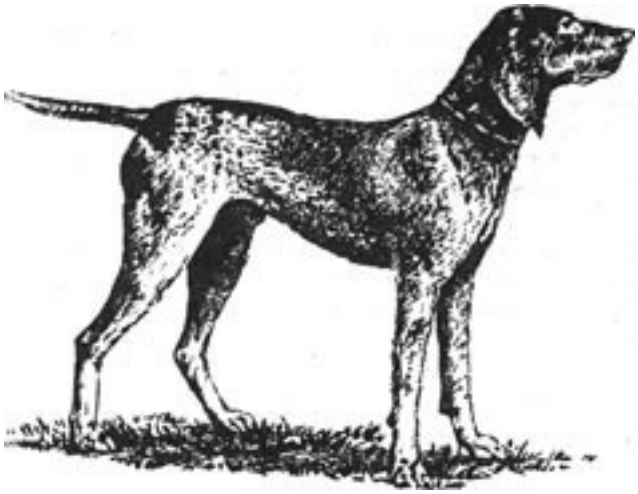
Ввиду этого дрессировщик поступит правильно, придерживаясь положения, что сырую собаку вообще не следует бить. Если собака нашалит, например, начнет гонять в деревне кур, уток, гусей, то ее следует взять на поводок и, несколько раз дернув, строго сказать: «Это что такое?» В виде наказания не следует собаку спускать в этот день с поводка. Но самым первым из всех правил должно быть то, что собака должна идти на зов сама и ни при каких обстоятельствах дрессировщику не следует идти ей навстречу, хотя бы прошел даже целый час. Прежде чем собака подвергнется наказанию или только выговору, ее нужно взять на поводок, чтобы заранее отвратить всякую мысль о бегстве.

Если собака настолько не выдержана, что при каждом новом случае снова бросается на домашнюю птицу, – страсть, которая только возрастает от каждой удачной попытки – я не могу дать дрессировщику другого совета, как брать собаку на поводок каждый раз, когда ей представляется возможность, при проходе, например, деревни проделывать свои шалости. Если он вздумает ее наказывать ударами, в девяти случаях из десяти он сделает ее пугливой, но все-таки пугливость не помешает собаке преследовать и душить птицу. В остальном такие собаки бывают далеко не худшими, и я лично предпочитаю видеть, что полугодовалая собака схватит и задушит шипящего гуся, чем если она при виде его подожмет хвост и бросится удирать.

Большинство собак портится на прогулках, предпринятых хозяином с палкой в руках в сопровождении своего полузрелого воспитанника. Собака начинает вышеописанным образом шалить; она не слышит ни зова, ни свиста, хозяин начинает чрезмерно сердиться, хватает ее за шиворот и начинает угощать негодную собаку ударами палки. Обыкновенно достаточно одного такого наказания, чтобы сделать собаку недоверчивой на продолжительное время и вызвать в ней склонность к пугливости.

Многие дрессировщики ожидают, что сырая собака будет слушать зова и свиста, словом, выкажет понятливость, и в высшей степени бывают огорчены, когда собака вместо этого, точно

глухая, бежит своей дорогой. Обыкновенно хозяин пытается сделать для собаки понятным путем наказания, что требуется от нее зовом или свистом. Но эта дрессировка незрелого животного совершенно бесцельна и вызывает вместо понимания приказания хозяина тупость, тугой позыв, недоверие и в заключение пугливость. Да будет раз навсегда сказано, что путем принуждения и наказания с сырой собакой ничего нельзя добиться, и что дрессировщик, дипломатически пользуясь обстоятельствами и дружелюбным обращением, может достигнуть гораздо большего, чем наказанием и криками. Многие молодые собаки выказывают хорошую понятливость и слушаются приказания; чаще всего это бывает с суками. Их нужно приласкать, похвалить за их послушание и постараться укрепить его мягким обращением. Другие собаки не выказывают никаких следов понятливости и внимают призывам подойти с гордым презрением, в особенности, если они убедились, что их зовут только затем, чтобы посадить на поводок. Вопрос, послушна ли сырая собака или нет, гораздо менее важен, чем это многие думают. Наоборот, мне лично гораздо были симпатичнее суровые, склонные к непослушанию чем те, что постоянно виляют задом и ежеминутно ползают на брюхе.



Дружеским обращением, частым без привязывания на поводок подзываньем к себе, а главным образом ежедневным обращением с нею достигается известная степень послушания, которой совершенно достаточно для целей предварительной дрессировки. Не нужно только требовать, чтобы молодая собака, подобно дрессированной, отвечала на всякий знак и свист, так как это было бы уже высокой степенью дрессировки. Перед глазами дрессировщика должна быть всегда одна цель; сырая собака должна быть проведена между подводными камнями периода до дрессировки так, чтобы вступить в сферу парфорсной дрессировки неиспорченной.

Последнее обстоятельство требует прежде всего, чтобы молодая собака не попадала на волю, на улицу без надзора, предоставленная сама себе. На поле собака должна находиться постоянно в сопровождении своего хозяина. Собаки, которые без призора бегают по улицам, в течение короткого времени окончательно портятся, и это бывает не только с молодыми, но и с более взрослыми, дрессировка которых вполне закончена. Поэтому безусловно необходимо держать собак, не только молодых, но вообще всех, которые предназначены для служения целям охоты, требующей понятливости и моральной чистоты, – держать этих собак таким образом, чтобы они не сделались бродягами, беспризорными животными.

Подрастающую подружейную собаку нужно держать вдали от подобных влияний. Ее нужно воспитывать с известной долей суровости с молодых лет. Пока она здорова, она не должна знать натопленной комнаты, но летом и зимой, днем и ночью, жить на вольном воздухе. Общение со своим хозяином, который, как впоследствии будет указано, будет брать ее с собой на волю, на охоту, – этого общения вполне довольно для собаки. Тем теснее будет привязываться молодая собака к своему хозяину, общению с которым она единственно предоставлена и появление которого каждый раз предвещает ей освобождение из заключения. Тем недовер-

чивее она будет встречать каждого чужого и этим стоять на высоте дальнейшего требования, которое мы предъявляем к подружейной собаке. Она не должна быть другом человечества, который встречает всякого виляниеем хвоста; у нее может быть только один друг среди всех людей – это ее хозяин; всякого другого она впоследствии должна по приказу хватать за шиворот, так как этого требуют обстоятельства, в которых стоит подружейная собака. Что такого характера нельзя воспитать в детской, я думаю, не подлежит никакому сомнению.

Здесь я должен упомянуть об одном простом инструменте, оказывающем важные услуги, когда требуется привести в себя собаку, запертую в питомнике и бесконечно жалующуюся на свою судьбу. Это самая обыкновенная рогатка.

Как все наказания, которые, подобно выстрелу дробью, действуют на расстоянии, так и рогатка внушает собаке несказанное почтение. Этот род наказания имеет то громадное преимущество, что никогда не приведет собаки к пугливости, что бывает необходимым следствием при ударах. Поэтому пращу можно с успехом применять не только дома, но и на воде, именно в тех случаях, когда удастся поймать собаку в самый момент совершения шалости: тут-то ее и нужно угостить хорошим выстрелом. Этот простой инструмент имеет большое преимущество, потому что его можно носить в кармане верхней одежды и он всегда готов к выстрелу. Само собой разумеется, что выстрел из рогатки, как и все другие наказания, должен быть применяем только в случае крайней нужды, и не следует собаку осыпать выстрелами при каждой представившейся возможности. Чем реже применяется известная мера наказания, тем она действеннее. Если собака делается тугой на позыв от постоянного зова и свиста, то она с полным стоицизмом принимает всякое наказание, и тут уже дрессировщику приходится развести руками.

Мне остается сказать только несколько слов относительно питания подрастающей собаки. Питание вместе с достаточным движением, заботливым уходом за кожей и спартанским образом жизни на свободе оказывает значительное влияние на развитие подрастающего организма. Введение пищи в подрастающее тело – это поставка материала для строения последнего. Оно имеет задачей не только восстановить потребленное, благодаря обмену веществ, но и доставит материал для новообразований – для роста. Подрастающему телу приходится считаться с все увеличивающимся потреблением в своем хозяйстве, и поэтому оно нуждается для восстановления равновесия в увеличенном введении питания. Этим ясно устанавливается положение, что недостаточное питание в течение первого года жизни, и именно в течение первых шести месяцев, может вредно отозваться на организме животного, и впоследствии этого вред нельзя будет ничем изгладить.

Относительно того, какой должен быть корм, лучше всего сообразоваться с естественными условиями. Собака принадлежит к разряду хищных животных, а потому лучшей пищей ее, по крайней мере в течение первых десяти месяцев, является мясо, лучше всего свежая сырая говядина. Всякий недостаток в качестве или количестве пищи – следствие дурно примененной бережливости – горьким образом отзовется за первый год жизни на дурном развитии организма, который лучше всего сравнить с дурно выложенным фундаментом дома.

Молодая собака должна получать обильное питание из мяса, молока, хлеба и другой растительной пищи (горох, бобы, чечевица); до четвертого месяца молодая собака получает пищу три раза в день, с четвертого до восьмого – два раза, начиная с восьмого месяца ее нужно кормить раз в день, лучше всего в обеденное время. Надо строго запретить, чтобы собаке попали всякие коренья, которые всегда бывают в кухонных остатках; взамен этого можно рекомендовать прибавлять небольшое количество соли к пище.

Испытание и развитие охотничьих задатков

1. Предварительные упражнения в помещении для дрессировки.

Как только молодая собака достигнет шести– или семимесячного возраста, наступает время испытать, обладает ли она теми охотничьими задатками, которые, как мы видели, безусловно необходимы для будущей разносторонней подружейной собаки. Прежде чем взять молодую собаку в поле, безусловно необходимо приучить ее к порядочной ходьбе на поводке. Этот урок принадлежит к области комнатной дрессировки и поэтому мы начинаем наши занятия с упражнений в помещении для дрессировки.

Помещение должно быть светлое и достаточных размеров, так, чтобы было возможно делать в прямом направлении от девяти до двенадцати шагов. Вблизи не должно быть слышно никакого шума, который мог бы отвлекать внимание собаки. Равно необходимо удалить из помещения все предметы, которые могли бы предоставлять подобную же привлекательность для чутья и глаза собаки.

Единственные аппараты, которые необходимы для предварительной дрессировки, – это дрессировочный ошейник и поводок. Обыкновенно употребляемый корольковый парфорс с шариками имеет большие недостатки: 1) он скользит по направлению к голове при натягивании; 2) ранит уши; 3) является поводом поранения пальцем, если дрессировщик неосторожно за него ухватится. Такой ошейник, скользящий по направлению к ушам, бывает часто причиной продолжительных болезней внутреннего слухового прохода, когда при упражнении в поноске или при дрессировке призыва на мертвую дичь бывают необходимы частые и сильные подергивания за дрессировальный поводок. Поэтому я изобрел дрессировальный ошейник, который сидит безусловно крепко и не может соскальзывать. Равным образом собака не может поранить себе ушей при поиске или если она трясет головой при употреблении этого ошейника. Далее, мой ошейник имеет то преимущество, что колючки касаются не мягкой кожи под горлом, но при правильном положении только грубых частей затылка. Мой ошейник не вызывает рваных, трудно излечимых ран, как так называемый корольковый, он только колет. При первом взгляде на этот ошейник он производит впечатление орудия пытки, но дрессировщик быстро убедится, что острые концы колючек доставляют гораздо меньше мучения, чем тупые кораллы, которыми нужно дергать туда и сюда для получения какого-нибудь эффекта. Этим путем собаки приучаются к грубым средствам и становятся тупыми, при моем ошейнике достаточно слегка потянуть, чтоб получить желаемый результат. Парфорсный ошейник изобретения автора состоит из широкого ремня, снабженного полукруглой петлей, к которой прикрепляется парфорсный шнурок. Как это видно на рисунке (рис. помещен дальше), от внутренней стороны ошейника прикреплено 10–12 остриев плотно укрепленных в коже. Притягиванием поводка к себе ошейник стягивается и начинают колоть укрепленные в нем шипы.

Надевать ошейник надо всегда так, чтобы колючки сидели на затылке и петля стягивала ошейник, если потянуть в правую сторону собаки. Дрессировальный шнур должен быть толщиною 5–6 мм и два метра длинною; его нужно укрепить на петле дрессировального ошейника. Затем начинают в дрессировальном помещении ходьбу.

Собака стоит с левой стороны от дрессировщика у стены. Левой рукой берут за поводок и прижимают руку плотно к бедру, где рука должна оставаться в продолжение этого упражнения при всяких условиях, какими бы они ни были. Правой рукой забирают конец поводка, снабженный плотным узлом, настолько, что шнурок натягивается. Теперь собаку зовут: «Сюда, собачка!» и медленно идут вдоль стены. Собака будет следовать сперва добровольно, пока,

наконец, при повороте в углу она не заметит, что ошейник колется. Как только она это заметила, она упрется всеми четырьмя лапами, не желая идти дальше; вот тут-то ошейник начнет ее колоть как следует, что, конечно, усилит ее непослушание и доведет до того, что она с воем бросится на землю. Дрессировщику нужно стоять спокойно и ласково уговаривать непослушную. Ни при каких условиях не следует обращаться с собакой сурово или наказывать ее дерганием поводка. Как только собака успокоилась и встала, нужно опять начать ходьбу. Упорство будет продолжаться не менее 2–3 дней, пока собака не поймет, что она должна слушаться и ошейник колет только тогда, когда она не слушается. Первые уроки должны иметь продолжительность около 10 минут, их нужно тотчас же заканчивать, как только собака обойдет от 3 до 4 раз добровольно все помещение, после чего ее нужно похвалить, приласкать и отпустить.

Если собака через несколько дней добровольно пойдет вдоль стены, то необходимо сделать неожиданный поворот кругом и начать ходьбу влево. Теперь дрессировщик идет у стены, и собаке предоставлен более короткий путь внутри круга. Собака тотчас же заспешит: нос ее вместо того, чтобы быть спрятанным сзади левой ноги дрессировщика, будет виден. Дрессировщик не должен тянуть ее за поводок, так как левая рука не должна никогда покидать своего места на левом бедре. Вместо этого ему нужно сделать поворот влево и начать пересекать помещение. Как только нос собаки снова виден, снова следует поворот влево. В высшей степени вероятно, что при этих поворотах наступят на мозоли собаки; тогда с громким воем она сделает движение назад. Дрессировщик должен идти хладнокровно вперед, даже если собака начала снова упрямиться, а колючки начала ее снова колоть. Не теряя ни одного слова, нужно тянуть собаку за собой, равномерным темпом идя по помещению. В заключение она встает и идет послушной, как прежде. Ни при каких условиях не допускается наказание и выговор, потому что молодая собака должна познать только, что она наказывает сама себя за всякое непослушание. Основное положение всякой дрессировки: всякое противоречие воли хозяина бесполезно и тотчас же ведет за собой наказание – впервые опытом внушается животному.

Если собака, сообразно требования, остается сзади левой ноги дрессировщика, повинуется всем коротким поворотам без противодействия, то первый урок комнатной дрессировки закончен.

2. Натаска недрессированной собаки на воле

Надевши дрессировальный ошейник, молодую собаку ведут на поводке на волю, лучше всего на луг. Здесь начинается та же работа, что и в помещении для дрессировки.

Левую руку, как в помещении для дрессировки, нужно крепко держать у бедра, свободно пропустив между ее пальцами поводок, а правой рукой, по мере надобности, укорачивать и отпускать его длину. Идти нужно прямо вперед; как только нос собаки стал виден, следует сделать полоборота налево, подобно тому, как это проделывают солдаты по команде. Как раньше говорено, при этом вероятно, наступишь на пальцы ног собаки, что на мягкой грунтовой или луговой почве абсолютно не принесет никакого вреда, – но все-таки она будет скулить по этому поводу. К полобороту налево нужно теперь присоединять короткое: «На-зад!», ударяя на последний слог и произнося его одновременно с поворотом. После небольшого числа упражнений, при слове: «На-зад», собака, забежавшая вперед, стрелой кинется на свое место и не покажет носу из-за вашей ноги. Все удары арапником, все дерганья за дрессировальный ошейник – бесполезны и только портят собак. Короткое: «На-зад» и полоборота, налево в короткое время научат собаку ходить на поводке, не прибегая ни к каким другим мерам.

Мы подходим понемногу к испытанию охотничьих задатков, т. е. мы попытаемся установить, удалив дрессировальный ошейник и спустив собаку с поводка, – словом, предоставив ее самой себе, – обладает ли она качествами, которые, как мы раньше говорили, необходимы;

для разносторонней подружейной собаки. Эти качества суть: чутье, страсть, понятливость, выдержка, быстрота и признаки умения держаться следа.

Поэтому мы должны прежде всего попытаться ознакомить собаку с полем, только на прежних прогулках она не ознакомилась с ним. Если у нас имеется более взрослая собака под руками, то дело сделается само собой. Молодой пес нерешительно последует за своим более пожилым товарищем шагов на 100, самое большее, и затем вернется к своему хозяину. Тут на подмогу является заяц, старая собака кидает ему вслед взгляд, вы вскрикиваете: «Аппорт», – начинается гоньба, сопровождаемая лаем. Ничего подобного молодая собака еще не видала. В недоумении она садится. Но при третьем или четвертом зайце дело пойдет иначе, – ученик присоединится к учителю, сначала боязливо, 200, 300, затем на 400 шагов, все боясь, что он потеряет своего хозяина. В заключение, через несколько дней он схватит смысл урока, страсть в нем проснется, и широкими прыжками он будет преследовать зайца. Этим исходом закончится испытание, если собака одарена хорошими задатками, т. е. если она обладает страстью.

6 или 7-месячную собаку, которая даже после многонедельного испытания ее на воле не последует примеру пожилой собаки, – не станет искать зайца и не будет его преследовать на 500—600 шагов, – такую собаку я счел бы негодной для дрессировки. Если охотник убедился, что его молодая собака одарена страстью, что через несколько дней, спущенная со шнурка, она неизменно бросается на поиск зайцев и ревностно преследует их, испытание может принять свое дальнейшее течение. В дальнейшем следует обратить внимание, бросается ли спущенная собака в быстрый галоп или выказывает склонность к медленному поиску рысью. Я вовсе не хочу утверждать, что собаки последнего рода никуда не годны; но, во всяком случае, когда представляется необходимость в продолжительной травле или поиске, такая собака не стоит и половины бойкой от природы.

При подобной натаске молодой, недрессированной собаки дрессировщику нужно строго держаться правила: никогда не натравливать собаку на зайца, при возвращении ее с травли не выказывать ей ни малейших знаков одобрения или порицания. Собака должна оставаться в полном убеждении, что дрессировщик ничего не знает и не ведает о травле и что зайцы вообще не представляют для него ни малейшего интереса.

Вообще надо оставить попытки призвать молодую собаку в поле зовом или свистом. Это будет в полном смысле слова глас вопиющего в пустыне, потому что большинству молодых собак и в голову не придет, что кто-нибудь может лишить их удовольствия. Поэтому лучше всего оставить молодую собаку безнаказанно прыгать по полю и остается только радоваться, если она быстро начинает искать и связывает быстроту с неутомимостью.

Дрессировщик, исходящий из положения, что собака с юности должна быть воспитана в безразличном отношении к зайцу, пытается подавить в своей собаке врожденную страсть, необходимую для подружейной собаки, и делает это тогда, когда у него еще нет власти над ней, когда собака еще ничего о послушании или понятливости не слыхала, когда она не признает авторитета своего дрессировщика. Этим путем он делает собаку негодной к охоте и в большинстве случаев пугливой.

Но та гуманная цель, которой впоследствии предназначено служить собакам, должна стоять выше всех соображений, которые могут быть высказаны против этого воспитательного метода.

Подружейная собака, которой будущей задачей станет нагнать, задушить и на большое расстояние принести легко пораненного зайца или лисицу, должна быть воспитана иначе, чем собака, единственная задача которой поиск птицы. Если собака должна выказывать неутомимость, быстроту, страсть, энергию при гоне, ее уже с юности нужно воспитывать именно таким образом. Что пользы в старательном поиске нижним чутьем по крови, какое значение имеет вся дрессировка подружейной собаки, на что нужны все испытания, если в собаке, поставленной на кровавый след, не пылает того огня, который может ее побудить преследовать пораженное животное, пока хватит дыхания у нее в легких?

Собака, травящая в ранней юности зайцев, гораздо скорее приходит этим путем к пониманию различия между здоровой и больной дичью, между здоровым и кровавым следом. Эта разница охватывает в полном смысле понятия о подружейной собаке, которая не должна преследовать зайца только здорового, если же ей случится напасть на кровавый след, даже и без того, чтобы об этом знал охотник, она должна держаться этого следа, пока ее несут ноги.

Собаку, воспитанную, дрессированную и натасканную согласно с этими положениями и опытом, приобретшую знание, что зайца можно настигнуть только тогда, когда на следу лежит кровь, – такую собаку легче и скорее отучить от преследования здоровых зайцев, чем с юности не знавшую травли.

Такая собака, то есть не знающая травли, должна же научиться когда-нибудь гонять подстреленных зайцев; это занятие имеет для нее прелесть новизны и после того как она поймала нескольких зайцев, ее чистота после этого делается весьма проблематичной. Ведь такая собака не имела случая, подобно нашей, сотни раз травя здоровых зайцев, научиться разнице между здоровым и раненым зайцем.

Опасение, что собака, достигшая годовалого возраста на полной воле, без всякого принуждения, представит особенные трудности для позднейшей натаски, не имеет никаких оснований или приводится людьми, которые либо не воспитали ни одной собаки по указанным положениям, либо не умеют воспитывать собак вообще. Главная задача в том, чтобы молодая собака до достижения годовалого или 15-месячного возраста основательно прошла парфорсную дрессировку и приучалась к абсолютному послушанию. Парфорсная дрессировка прежде всего должна помешать молодой собаке сделаться пугливой и ее попыткам избежать наказания. Этот момент нужно иметь в виду, когда по окончании дрессировки мы подходим к тому, чтобы сделать собаке понятной запрещение травить без приказа какого бы то ни было зайца.

Еще одно преимущество подружейной собаки стоит в тесной связи с систематическим упражнением в травле зайца – это свойство такой собаки гнать голосом дичь по горячим кровавым следам или по крайней мере по зрячему.

Но большинство охотников не испытывали, как часто можно слышать гон голосом и наоборот, как скоро обладающая этой способностью собака начинает гнать безмолвно, если ее пытаются отучить от гоньбы силой. Молодая собака, которая в первое время гоньбы издает только слабые повизгивающие звуки, очень часто, в особенности если она часто работает с собакой, которая сама гонит голосом, начинает тоже гнать в полный голос. Гон охотничьей собаки есть выражение ее страсти. Предоставим нашим собакам в молодости травить зайцев, будем премировать на полевых испытаниях голосистых собак и брать от них породу: через несколько поколений мы будем иметь то, в чем мы нуждается – собак с громким гоном.

Как ни ясно все, сказанное мною, оно вызовет несомненно немало возражений. Спросят: где найдете охотников, имеющих возможность доставить целые недели напролет травлю своим собакам? Где найдутся отъемные места, в которых, без ущерба для них, можно производить

такую травлю? Где найдутся дрессировщики, которые возьмут на себя тяжелую задачу привести в надлежащий вид такую собаку, – савраса без узды.

Прежде всего на эти вопросы могут возразить, что всякий, дрессирующий молодых собак, должен считаться с тем что они травят зайцев. Вся разница в том только, что господа Field-trialer'ы после каждой травли угощают своих собак корольками и арапником, а мы предоставляем развиваться их прирожденной страсти и делаем вид, что ничего не видали, не слыхали. Дрессировщик на Derby возится с своей сырой, недрессированной собакой, не знающей послушания и не ведающей понятливости. А мы отучаем уже вполне развитую собаку от привычки травить зайца без приказания после того как она прошла основательный курс парфорсно-немецкой дрессировки, познала авторитет своего хозяина и поняла, что наказывают ее не столько за то, что она травит зайца, сколько за то, что она не слушается зова и свиста.

Всякий, кто знает привычки зайца, не испугается возможности взбудоражить отъемное место. Он знает, что заяц особенно зайчиха или зайченок, как только заметят собаку занятую поиском, глубоко прижимаются к месту лежки и сидят тихо, точно заколдованные. Самец заяц, который обыкновенно лежит выше, имеет в большинстве случае склонность при приближении собаки удрать. Какой вред может принести старому травля собаки 6–12 месяцев от роду! Через 500 шагов неопытная собака его потеряла, и вислоухий храбрец благополучно удирает в чащу леса. В большинстве случаев перед собакой выскакивают сразу 2–3 зайца одновременно (если дело идет весной), обыкновенно одни самцы, залегшие поблизости зайчихи. Подойдя поближе, часто можно заметить ее, смирненько улегшуюся под бугром. Ведь, если один из господ самцов и не вернется после более энергичной травли на это место, то, право, это не будет особенно большой потерей.

В отъемных местах, где охотятся с толком, охотник может заметить, что молодая собака, несмотря на все обилие зайцев, имеет чрезвычайно мало случаев для травли и что часто ей приходится искать беглым поиском больше четверти часа, не подняв ни одного зайца. Объяснение этому странному событию лежит в том, что в таких местах число самцов сильно уменьшено, а зайчиху, лежащую на лежке, собака причуивает только за несколько шагов под ветром.

Само собой разумеется, что отъемное место должно быть достаточно велико, чтобы не было надобности натаскивать молодую собаку на одном и том же месте. Таким непрестанным посещением конечно можно было бы нанести ущерб отъемному месту, так как дичь стала бы искать более спокойных мест. Так же не надо водить собаку в поле в более позднее время года, когда оно уже покрыто растительностью. Настоящее время это месяцы; январь, февраль, до конца марта, в это время года не может быть и речи об ущербе.

Равным образом необходимо внимательно следить за тем, чтобы собака не приходила в отъемные места, где она во время травли могла бы попасть в лес, а там на следы коз или фазанов. Как ни полезно было бы начать натаску собаки в лесу и в самом начале испытать ее чутье на следах, надо все-таки иметь в виду, что чрезвычайно опасно, даже гибельно может быть для собаки ее раннее знакомство с травлей коз. На козу можно натаскивать собаку только тогда, когда она прошла вполне курс натаски по полевой дичи. Все собаки отличаются какой-то особенной страстью к теплым следам коз, и всякий, кто испытал сомнительное удовольствие заниматься натаской собаки, испорченной еще в ранней юности поиском коз, не раз осенит себя крестом, находясь в соседстве стоянки коз в сообществе молодой собаки.

Этими основаниями руководятся, когда берут молодую собаку в открытое поле, далеко от леса, где она постоянно перед глазами.

Понемногу можно начать брать молодого пса с собою в одиночку: он будет преследовать зайца без руководства старой собаки и мало-помалу, смотря по способностям, все дальше и дальше, держась чутьем следа. В один прекрасный день его хозяин пропал – дрессировщику нужно спрятаться в яме. Если нет ямы, надо просто лечь на землю и наблюдать за поведением молодой собаки. До сих пор, оглянувшись, она всегда находила своего хозяина, Но теперь

самый внимательный осмотр не ведет ни к нему, ни к кому-либо, но вот мгновенно собака бросается к первой человеческой фигуре, которую замечает в отдалении. Ужасное разочарование! Страх ее возрастает и выражается в бесцельном движении и взглядах, бросаемых по сторонам. Глупые собаки в этом случае обыкновенно садятся на задние лапы и начинают жалобно выть, раз прошло полчаса и больше, а они не нашли хозяина. Другие в страхе бегают туда-сюда, пока либо случайно не попадут под ветер, либо упадут в изнеможении на землю. Еще иные в таком случае удирают домой или на место, где несколько раз отдыхали с хозяином. Может доставить немало удовольствия картина, как собака предоставляет спокойно бежать зайцу, поднятому на поисках хозяина, между тем, как четверть часа тому назад начался бы настоящий steeple-chase.

Совсем иначе ведет себя интеллигентная, хорошо одаренная собака. И она оглянется кругом, и она бросится к чужому, не разобрав его издалека. Но уже скоро она вспомнит, что видела в последний раз своего хозяина на определенном месте. Благодаря своей удивительной памяти мест, она немедленно находит его. Хозяина, разумеется, она там не встречает, но зато находит его след, и по этому следу ищет, пока не найдет его в укромном месте. Если собака уже с первого раза будет вести себя таким образом, то хозяин ее может себя поздравить: потому что только интеллигентная собака, одаренная к тому же задатками держаться следа, способна найтись в таком затруднительном положении. Мой опыт показал, что пудель-пойнтера стоят выше всех других собак при испытании подобного рода: я залезал, для того чтобы ввести в заблуждение такую собаку, на верхушки ив, но все было напрасно – они добросовестно преследовали мой путь до самого дерева, обегали его, пока приходили к заключению – здесь он!

Почти всякую собаку во всяком случае можно привести к сознанию, что добросовестно держась чутьем следа, всегда безошибочно достигнешь цели. Лучшего предварительного испытания для собаки, которой впоследствии предстоит разыскивать и приносить дичь, нельзя и придумать. Собаку, которая после многонедельной натаски не научится пользоваться чутьем при отыскании по следу – такую собаку я считаю никуда не годной в деле охотничьей практики.

Этот урок разыскания спрятавшегося хозяина после каждой травли зайца имеет громадное значение для подрастающей подружейной собаки. Впоследствии ей придется разыскивать путь на одну-две версты с зайцем или лисицей в зубах в лесу или горах, нередко через большую чащу и в незнаком месте путь к своему господину, несмотря на сотни препятствий. Собака рано достигает самостоятельности и законченности в отношении уменья не потеряться в чужом отъемном месте и найти путь к своему господину. А этого она не сумеет, если это упражнение проделано не часто или совсем не проделано. Самостоятельность и самоуверенность – необходимые качества подружейной собаки, которая, предоставленная сама себе, травит дичь на громадное расстояние. Поэтому надо пользоваться всяким представляющим случаем утвердить молодую собаку в этом умении.

С этого времени спрятаться или просто прислониться к дереву будет лучшим средством призвать недрессированную собаку и взять ее на поводок, тогда как всякий свист и зов не только бесполезен, но прямо вреден, делая собаку тугой на ухо и в полной мере выказывая перед ней бессилие ее господина. Я снова повторяю, что недрессированная собака представляет из себя нечто самостоятельное, и дрессировщик, имея в виду будущие результаты, должен быть дипломатом. Как только он захочет разыграть перед недрессированной собакой властелина, он сейчас же осознает свое бессилие.

С молодой собакой, которая с 6 до 10 или 12 месячного возраста основательно травит зайцев два-три раза в неделю, происходят в телесном отношении замечательные перемены. Вследствие обильного сильного движения укрепляется слабая сетка, расширяется грудная коробка и увеличивается в глубину; преобразуется лопатка, соответственно страстному стремлению собаки поступательного движения быстрыми прыжками. Она начинает занимать совершенно иное положение по отношению к плечевой кости, так как все строение мягко, изменчиво, может переформироваться и легко применяться к жизненным требованиям. Усиленное

потребление кислорода вследствие повышенного дыхания заставляет отступить на задний план проявления рахита и скрофелеза, поднимает аппетит и действует сильнее на организм, чем полдюжины ветеринаров с таким же количеством микстур. Собака, 3–4 месяца травившая зайцев, представляет из себя совершенно, нечто другое, чем жалкий выродок, который, в пору телесного и духовного развития должен был киснуть в питомнике.

Разумеется, само собой, что охотнику не следует пропускать возможности познакомить молодую собаку с пернатой дичью. Многие молодые собаки при встрече с пернатой дичью потянут и замрут в картинной стойке, подобно наилучшей дрессированной собаке. Для владельца это картина, которой нет подобных. Другие, потянув, как и первые, и ползя чуть не на животе, делают короткую стойку и вспугивают дичь. Третьи тянут также осторожно, но без всякой стойки вспугивают дичь. Четвертые бросаются, как только запах дичи достигнет их чутья, на дичь и гонятся за ней, пока не потеряют из вида. Но тот, кто вздумает отдать предпочтение в отношении тонкости чутья собаке с твердой стойкой, тот в известном случае может глубоко ошибиться, так как все описанные манеры, как глубоко они друг от друга ни отличаются, ровно ничего не доказывают по отношению тонкости чутья. Начать с того, что собака, выказавшая сегодня осторожную потяжку, завтра может наткнуться, не выказав ни малейших признаков чутья, на целый выводок дичи; далее собака только потому далеко потянула, что случайно наткнулась на теплый след дичи. Это бывает обыкновенным делом, потому что никогда или уже очень редко дичь залегает смирно и не делает никаких движений в стороны при приближении охотника с собакой. Обыкновенно птица прежде пробежит, а потом уже заляжет. Вот, если собака придет на такой теплый след и потянет или сделает стойку, то очень многие охотники думают, что собака зачуяла дичь по ветру до того самого места, где она взлетела. Это мнение является основанием такой массы фальшивых представлений относительно способности собаки причуять по ветру. Мне часто приходилось слышать уверения, что та или иная собака причуивает птицу на 100 или 200 шагов. Подобное уверение основывается на грубой ошибке, так как собака с самым тонким чутьем может причуять целый выводок дичи, например, в картофельном поле лишь на 60–70 шагов, если же дело идет об одной птице, то расстояние это сводится к 20 метрам. Собака, которая причуивает свежеподстреленную и упавшую в траву дичь на расстоянии 20 шагов, по моим наблюдениям, может считаться весьма удовлетворительной. То обстоятельство, что немногие собаки причуивают отдельную дичину на этом расстоянии, повело к фальшивому мнению, что свежераненная птица теряет свойственный ей запах. Путем многих опытов я установил, что это неправильно, так как птицы легко раненые, которые падали на 100 или 200 шагов от собаки и приносились ею еще живыми, не выказывают более сильного запаха, чем свежеубитые. Главное, нельзя себе представить, чтобы теплое, покрытое кровью тело птицы могло потерять свойственный ему запах уже спустя несколько моментов после прекращения жизненного процесса. Я, наоборот, убедился, что убитая, упавшая на спину дичь сильнее притягивает обоняние собаки, чем живая, которая залегла, сложивши крылья и перья на землю.

Все эти обстоятельства нужно отнести на счет того, что когда дело идет о подстреленных влет или при вспугивании, или о сидящих на яйцах птицах, на земле следов их нету, и собака, которая предоставлена тут исключительно своей способности причуивать запах дичи, именно в этих обстоятельствах не выкажет столь необыкновенного чутья, как это нам кажется при перемещении дичи по земле.

Собачье чутье есть столь изменчивая и загадочная вещь, что испытание его у недрессированной собаки на следах дичи является следствием бездны ошибок и разочарований. Достоинство чутья можно с точностью установить лишь тогда, когда дичь, служащая испытательным материалом, имеет твердо определенное место лежки. Если только дичь обладает способностью бегать, то она на земле и на траве оставит следы своего запаха, которые тотчас будут замечены собакой. Этим кончается всякая возможность служения, и охотник остается, в особен-

ности если дело идет о молодой дрессированной собаке, постоянно неизвестности: причуяла она дичь по ветру или идет чутьем по следу.

Если собака еще не приучена к звуку выстрела, то спутнику поручают убить какую-нибудь дичину. Если полевой дичи достать нельзя, то довольствуются уткой, чибисом, голубем, а за их отсутствием ореховкой. Хищные птицы не годятся для этой цели вследствие свойственного им запаха, неприятного для собак. Непосредственно после того, как дичь будет убита, провожатый бросает ее на месте, заросшем низкой травой, камышом и т. д. таким способом, чтобы дичь лежала животом кверху.

Перед этим собаку берут на дрессировальный шнурок, но при этом так, чтобы ошейник не был чересчур тесен. Теперь нужно идти, коротко подобрав поводок под ветром в отдаления от 4–5 шагов от убитой дичи. Собака во всяком случае почует дичь и захочет к ней приблизиться. Тут нужно укоротить еще поводок, остановиться дать собаке ознакомиться с запахом данной дичи; при этом следует возбудить любопытство собаки: она может видеть птицу, но должна находиться в таком удалении от нее, чтобы любопытство ее достигло высшей степени. Через несколько мгновений собаку силой отводят за какое-нибудь прикрытие, между тем провожатый относит дичь на расстояние около 30 шагов, перерезая направление ветра и бросает ее шагов за десять в траву, а затем возвращается тем же путем. Можно посоветовать заранее установить пункты, куда положат дичину, избрать для этой цели легко заметный камень или куст. Но собака всех этих действий замечать не должна.

Дрессировщик идет теперь под ветром дугою к птице и зигзагами приближается на 30 шагов к месту, где она положена. Тут отпускают собаке весь шнурок, конец которого крепко замотан на руке, и наблюдают за ее поведением. Собака, разумеется, не забыла недавнюю интересную встречу и стремится, благодаря своей памяти мест, к месту, где прежде лежала птица, но при этом она пользуется и своим носом. Как только запах уже знакомой дичины делается заметным ее чутью, она быстро поворачивает влево или вправо и стремится к месту, куда ведет ее безошибочный орган, указывая на присутствие предмета ее любопытства. Охотник может заметить кусочком бумажки или палкой, где собака потянула и шагами измерить впоследствии расстояние, чтобы судить по этому о качестве чутья. Если собака потянула за 20–25 шагов, что возможно только при очень тонком чутье, следует повторить испытание раз 5–6, чтобы быть уверенным, что не произошло ошибки, вызванной случайностью – другой дичью, лежкой зайца, летучей мышью и т. д.

Если собака на 5-ти или 6-ти испытаниях причуивает дичь на 30 шагов в разные дни, то дрессировщик имеет право считать такую собаку одаренной хорошим чутьем. Разумеется, при этих испытаниях принимается в соображение погода, т. е. температура, влажность воздуха, почвы и т. д. Названного результата можно достигнуть только в прохладную погоду. Само собой разумеется, что собаку берут в нормальном состоянии, т. е. здоровую и неутомленную.

Если даже на более короткое расстояние данная собака не причуивает дичи, то охотнику нечего предаваться отчаянию: этим он пошел бы против выводов опыта. Чутье собаки – нечто изменчивое и загадочное, и есть сотни влияний, которым оно подчиняется: легкий катар носа, обыкновенное недомогание низводят собаку с тончайшим чутьем на степень последнего ублюдка. Именно потому, его обонятельный аппарат так удивительно тонко организован, именно потому что он подчиняется самым незаметным воздействиям. Затем собака может отнестись равнодушно к данной дичи и ее запаху, может быть и то, что внимание ее чем-нибудь занято. Поэтому можно пробудить ее внимание тем, что птицу привязывают к нитке и помощник начинает приводить ее в движение. Разумеется собака будет чрезвычайно заинтересована странным предметом, волочащимся по траве. При второй встрече, как только она почует знакомый запах, она тотчас же поспешит в сторону его. Следует дать собаке ознакомиться запахом дичи и отвести ее назад. Этим можно поддерживать ее любопытство в состоянии напряжения. Само собой разумеется, что все испытание должно быть закончено скоро и от момента, когда

убита птица, до начала испытания чутья должно пройти не больше получаса; в противном случае запах, издаваемый дичью, при постепенном похолодании сделался бы чересчур слабым. Если можно достать живую птицу: чибиса и т. д., то можно ее взять для испытания, но при этом ее нужно укрепить таким манером, чтобы она абсолютно не могла двигаться и движением произвести шум. Необходимости в живой дичи во всяком случае нет, так как свежеубитая, покрытая кровью птица, пока она не похолодела, окажет те же самые услуги.

Если испытание, произведенное раз 20 с соблюдением вышесказанных условий, каждый раз давало одинаково неблагоприятные результаты, т. е. собака не причуивает в хороший ветер и прохладную погоду даже немногих шагах, хотя при виде дичи проявляет желании схватить ее, тогда с большей или меньшей уверенность можно сказать, что собака обладает плохим чутьем. Если она вообще одарена хорошими задатками, т. е. хорошо сложена, с подходящим окрасом, то я и здесь советовал бы не спешить, а через две недели повторить испытание. Если охотник убедился последовательными испытаниями и не только по описанному образцу, но и в поле на всякой дичи, что собака его одарена недостаточным чутьем, ей не остается больше ничего, как ее убить. Признаком тонкого чутья принято считать верхнее чутье, т. е. манеру собаки искать, держа высоко нос по ветру. Но по этому можно заключить только, что соответственно индивидуальным задаткам собака умеет пользоваться своим чутьем; но о качестве его можно судить, только испытав их. На своем веку видал я немало собак с верхним чутьем редких качеств. И, наоборот, я натаскивал немало собак, с наклонностью к нижнему чутью, одаренных чутьем прекрасных качеств. Важно то, что собаки с верхним чутьем при охоте в открытом поле гораздо скорее и удобнее находят дичь. В остальном же понятливые собаки быстро научаются, смотря по надобности, держать нос по ветру или идти чутьем по следам, поскольку они вообще обладают чутьем. Собак же с резко выраженным верхним чутьем, как это бывает у английских пород, я не считаю особенно пригодными для разносторонней охоты. Подобно людям, слишком задирающим нос кверху, – такие люди редко видят выше своего носа, – и между собаками такие типы отличаются односторонностью. Во всяком случае никуда непригодными оказываются и те собаки с нижним чутьем, которые поднимают нос от земли для того только, чтобы оглянуться кругом. Подобные собаки вселяют подозрение, что у них вовсе нет чутья. Однако и в этом случае необходимо быть осторожным: у меня немало было молодых собак, которые в первые дни, взятые в поле, едва отнимали нос от земли и впоследствии все-таки оказывались одаренными блестящим чутьем.

Собаки с высоким чутьем, которые заболевают катаром носа (симптомы: частые чихания, распухшая слизистая оболочка носа, истечение из него жидкости, светлой как вода), теряют его и начинают искать нижним чутьем. Этими катарами обыкновенно страдают молодые собаки, в особенности если им приходится работать в воде, в более суровое время года. Эта болезнь встречается у собак гораздо чаще, чем принято думать, и поэтому необходима большая осторожность в суждении о чутье собаки именно по этой причине.

Вообще я держусь мнения, что чутье собаки не является неизменной, раз навсегда установленной величиной, но что оно, как и все другие ее способности, употреблением и упражнением может быть сделано более тонким более острым. Возрастающий опыт собаки играет без сомнения здесь немалую роль. Я думаю, что орган сам по себе может испытать подъем работоспособности, так как для органа ощущения, который подвергается притуплению, должен обладать более условиями, в которых он способен совершенствовать, делаться более тонким. Многие наблюдения привели меня к заключению, что чутье собаки еще в другом отношении подлежит изменению. Мне приходилось встречать собак, которые в течение годового и выше промежутка времени выказывали среднее, даже дурное чутье, а затем проявляли такое неожиданное изменение этой способности, что их положительно нельзя было узнать. Какой причине надо приписывать это изменение, судить я не берусь.

Памяти местности, проявляемой подружейной собакой, т. е. остроте ее зрения отводится чересчур подчиненное место и совершенно несправедливо, так как развитое вполне во многих случаях практики это качество имеет громадное значение. Подружейная собака должна пользоваться всеми своими способностями на службу охоты; при водяной работе, при разыскивании убитой дичи, вообще при всякой работе острое зрение оказывает собаке выдающиеся услуги в возможности разобраться в местности. В отношении остроты зрения между собаками царит большое разнообразие, встречаются собаки, от которых на воле ничего не скроется, которые замечают каждую птицу, каждый кустик даже и на очень большое расстояние. Другие совсем лишены способности замечать предметы и на более короткие расстояния (или делать между ними различие); такие собаки ведут себя часто несказанно глупо, тогда как действительности своею беспомощностью обязаны плохому зрению.

Бывают собаки, которые ночью плохо видят, бывают и такие, которые становятся слепыми даже в сумерках и наступлением темноты ложатся, не делая ни шагу вперед. Такие собаки для разнообразной охоты не годятся.

Когда дрессировщик убедился, что собака обладает важнейшим качеством – чутьем и в отношении страсти, неутомимости и быстроты отвечает его требованиям, ему остается решить задачу, обладает ли она соответствующим бесстрашием и бойкостью характера. Подружейная собака должна быть бойкого характера, т. е. храбра, – не думая о ранах она должна бросаться на всякого хищника и душить его; она должна защищать своего господина до последнего издыхания и бросаться по приказу на всякого чужого. Стало быть она должна быть от натуры одарена способностью самозащиты и нечувствительности.

Обещает ли собака выказать подобные качества, можно видеть уже в ранней юности на дворе и в доме. Хорошим знаком можно считать, если собака при случае бросается на кошек и преследует их бешеным лаем, хватает за ноги дразнящих мальчишек или нищих, бросается на чужих собак и со вздыбившимся волосом становится против более крупных, а когда ее поранят, вместо того, чтобы жалобно выть или визжать, становится злою и готова кусаться. Подобные собаки всегда очень бдительны и о приходе чужих извещают продолжительным лаем; как это ни неприятно, что собака при каждом таком случае лает полчаса и больше, я все-таки не могу посоветовать препятствовать ей в этом мерами строгости, так как это свойство, как мы увидим позже, имеет чрезвычайно важное значение при дрессировке призыва на мертвую дичь. По моим наблюдениям, собаки, выказывающие бесстрашие перед хищниками, обыкновенно выказывают хорошие задатки к водяной работе и наоборот. Кто имеет в виду значительную водяную охоту, тот, разумеется, должен обратить внимание, обладает ли данная собака склонностью к воде и в какой степени. Это бывает видно уже в ранней юности и легко может быть установлено с полной определенностью. Как только вода весною достигает достаточной теплоты, ее ведут в сообществе знакомой ей более взрослой собаки к какой-нибудь луже и заставляют последнюю перейти ее.

Молодая собака, у которой прирожденная страсть к воде, не задумываясь последует примеру своей товарки и выкажет явное удовольствие своим влажным путешествием. Она будет бегать по воде, окунаться с головой и разыскивать при каждом удобном случае симпатичную ей стихию. Такие собаки для водяной работы выказывают, меньше противодействия, так как их расположение к воде идет навстречу всем требованиям.

Иначе обстоит дело, если молодая собака осторожно входит в воду и пример ее товарки не побуждает ее идти в глубину от берега, или если она стоит на берегу, выказывая опасение намочить лапы. Нужно повторить опыт несколько раз, лучше всего в солнечные дни. Если все опыты останутся безрезультатными, то следует сделать еще, одну попытку. Ручная утка сажается в луже или еще лучше отыскивают стайку уток и приказывают более взрослой собаку аппортировать утку. Утки, конечно пытаются, крякая и хлопая крыльями, уйти; они ныряют, прячутся, подобно диким, под водою, у берега, но собака их снова отыскивает и травит. Если

при этом возбуждающем примере молодая собака останется на суше, вместо того, чтобы преследовать вспуганных уток, то тогда дрессировщику нечего с ней делать.

В какой степени собака одарена задатками к водяной работе можно видеть из ее поведения по выходе из воды: собаки, недостаточно одаренные этими задатками, едва могут дождаться момента стряхнуть ненавистную влажность. Это те неуверенные работники на воде, которые, сложив аппортированную утку на берегу, не пропустят секунды чтобы встряхнуться, достигнув любезной им суши. Такая собака сидит дрожа на берегу под греющими лучами солнца и ревностно облизывает влажную шерсть. Этот знак позволяет с уверенностью сказать, что с этой собакой можно достигнуть лишь среднего успеха при водяной работе. Каждое принуждение, каждое применение силы – повторяю это здесь снова – никуда не годны, когда дело идет о водяной работе. Это правильно по отношению не только к недрессированным собакам, но вообще ко всем без исключения. Если молодую собаку можно побудить травить ручных уток в воде, то следует повторить этот опыт неоднократно при подходящих условиях в теплое время года. Уже во многих собаках мне удавалось настолько подавить недостаток прирожденной страсти этим путем, что они бывали пригодны к водяной работе, по крайней мере, летом и ранней осенью. Условия, в которых приходится работать по воде зимой или вообще в более тяжелых условиях, представляют больше трудности дрессировщику: тут легко будет работать собака только с прирожденной склонностью к воде. Как дальше нужно воспитывать собаку, предназначенную для водяной работы, я скажу подробнее в особом отделе.

Испытание к призыву на мертвую дичь

В то самое время, когда мы берем собаку для испытания ее охотничьих задатков в поле, нам предстоит решить вопрос, предстоит ли ее воспитывать с целью развить в ней призыв на мертвую дичь или сделать из нее собаку, указывающую убитую дичь. Я предполагаю, что читателям известна разница между тем и другим видом дрессировки. Собака, воспитанная с призывом, имеет задачей, если она не может поднять дичи, которую она нашла мертвою по кровавому следу или прикончила сама, лаять так продолжительно, пока ее не услышит охотник и не придет на ее зов. Ни под каким видом собака не смеет отойти от дичи ни по зову, ни по свисту, которые, наоборот, служат ей новым поводом для усиленного лая. Собака, приводящая на мертвую дичь, наоборот по истечении известного времени, особенно по свистку, должна покинуть найденную дичину, разыскать охотника и привести его на место.

Лично мое мнение таково, что было бы грехом молодую собаку, выказывающую задатки призыва на мертвую дичь, воспитывать с подавлением этих задатков. Кто имел хоть раз в жизни удовольствие через весь лес подойти на зов своей собаки, подающей призыв на мертвого оленя, козу или кабана, то согласится, что в этом электризующем звуке заложено немало поэзии благородного охотничьего дела.

Прежде всего я могу посоветовать дрессировщику заниматься обучением призыва на мертвую дичь только тех собак, относительно которых можно быть твердо уверенным, что они обладают нижеописанными задатками. Всех остальных собак нужно обучать второму способу, и это будет специально изложено перед заключением комнатной дрессировки. Первое требование, которое я ставлю собаке, предназначенной к призыву на мертвую дичь, – это то, чтобы, гоняя красную дичь, в особенности зайцев, она отличалась продолжительным и звонким лаем. Собаки, не выказывающие этого свойства, для дрессировки этого рода не годятся.

С собакой, проявившей требуемые свойства, приступают к следующему испытанию: загоняют кошку на невысокое дерево; хорошо одаренная собака с лаем станет на задние лапы у ствола дерева и, уже не травя, будет лаять продолжительное время. Чем бешенее и неутомимее будет лаять собака, тем лучше. При этом опыте главным образом необходимо установить, не выказывает ли собака, вследствие продолжительного лая, признаки болезни или утомления; именно многие собаки обладают не только недостаточными голосовыми средствами и через короткое время охрипают, лай их ослабевает, но они выказывают и другие признаки утомления, – головную боль и т. д. Очень часто главную роль здесь играет преходящая физическая перемена; очень часто голос молодой собаки чрезвычайно усиливается в течение второй половины года ее жизни, если ее заставлять гонять зайцев и этим поднимать ее телесное развитие.

Но одно свойство во всяком случае должно быть на лицо – склонность к подаванию голоса.

Для того, чтобы быть еще более уверенным в наличии этого необходимого для собаки с призывом свойства, после того как предыдущие опыты дали благоприятные результаты, мы предпримем новое испытание.

Достают убитую козу (дикую) и кладут ее в саду или в лесу таким образом, чтобы собака при дурном ветре не подготовленная увидала ее. К голове дичи привязывают тонкий шнурок, а этот последний перекидывают через толстую ветку на высоте трех метров и идут в скрытое место шагов на 20, где конец шнурка держит помощник.

Дрессировщик берет собаку на поводок, но так, чтобы дрессировальный ошейник не стеснял. Собаку возбуждают искать и неожиданно подводят ее к козе, при этом ее направляют и выдерживают так, чтобы она остановилась в 4 или 5 шагах от незнакомого предмета. Если собака одарена хорошими задатками, т. е. имеет большую склонность подавать голос, то без дальнейших разговоров начнет лаять. Если же она останется безмолвной, то легким свистом

дают помощнику знак привести голову козы с помощью шнурка в движение. Если собака и здесь не за лает или будет молчать даже тогда, когда над травой поднимется голова и горло козы, то собаку остается отвести домой и отказаться от мысли сделать из нее собаку с призывом.

В случае если собака бросится с лаем на лежащую или приведенную в легкое движение козу и не переставая будет лаять, то мы с нею немедленно начнем упражнения, имеющие целью развитие ее ценной способности Здесь мне хотелось бы обратить внимание дрессировщик на то, что это упражнение с козой, двигающей свои головой, не мешает повторять при всяком удобном случае. Эти воспоминания молодости пробудятся в ней вся кий раз, как собака достигнет дичи, над которой должен следовать призыв, и эти воспоминания могут помочь ей в ее задаче.

Будущая собака с призывом должна с юности давать полный простор своей способности лаять. Всякая карабкающаяся на дерево кошка, всякая чужая собака, всякий бродяга должны подавать повод 6–9 месячной собаке к обширному употреблению стройного и во всяком случае полнозвучного лая. Если мы этим методом опыта установили, что собака обладает задатками к подаче голоса и может быть неутомимой в этом отношении, тогда мы начнем с нею систематическую дрессировку на мертвую дичь по возможности задолго до начала комнатной дрессировки на 6-м или 7-м месяце ее жизни. Необходимо понемногу довести до ее сознания, что подача голоса независимо от ее склонности к этому не может быть делом ее расположения или желания, но что в известных условиях она является ее священным долгом; точно так же впоследствии мы внушаем ей святость обязанности аппортировать после утомительной травли загнанного зайца.

Но между средствами, которыми мы располагаем для внушения при аппортировании и которыми мы вызываем подачу голоса на мертвую дичь, есть существенная разница: чтобы приучить собаку принять лисицу или хищную птицу и аппортировать ее, достаточно дрессировального ошейника, но чтобы довести ее до продолжительной подачи голоса над убитой шкурой козы, а оттуда уверенно перейти к подаче голоса над мертвою дичью, употребления дрессировального ошейника будет недостаточно. Я держусь мнения, что применение насилия в этом отделе дрессировки требует величайшей осторожности, если не хотят подавить естественные склонности собаки к подаванию голоса и заменить это естественное чувство чувством страха или отвращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.